

Сухарев М.В.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

После переселения в 1778 г. из Крыма в Приазовье значительной части христианского населения полуострова (в основном греков и армян) и Готфского православного митрополита Игнатия христианство в Крыму пришло в полный упадок. В 1783 г. на территории Крыма действовало только два православных приходаⁱ. Возрождение христианства в Тавриде связано с переселением сюда в конце XVIII в. так называемых «албанских» («балаклавских») греков, получивших на это разрешение российского правительства. В первой половине XIX в. в Крыму увеличился удельный вес русских переселенцев. Освоение Крыма русскими (восточными славянами) и греками способствовало распространению православия в этом преимущественно татарско-мусульманском регионе.

Крымское православие столкнулось с определенными административно-организационными трудностями. В 1800 г. была ликвидирована Феодосийская епархия. Крымские приходы были напрямую подчинены Новороссийской (с 1804 г. - Екатеринославской) епархии, в составе которой находились до 1837 г. В период с 1837 по 1859 гг. крымские православные храмы находились в подчинении Херсонской епархии. Кафедра Херсонского архиепископа располагалась в Одессе. Управлять деятельностью крымских приходов из Екатеринослава или Одессы было значительно труднее, чем из Феодосии. Екатеринославские и херсонские архиепископы уделяли явно недостаточное внимание развитию крымского православия. Это выразилось прежде всего в слабой материальной поддержке крымских приходов, которые в большинстве своем были бедными.

Каждая епархия Русской православной церкви имела в своей структуре особые инстанции управления и церковного суда - православные духовные правления. Духовное правление ведало православными приходами на определенной части территории епархии, подчиняясь епархиальной духовной консистории. В 1800-1804 гг. крымские приходы входили в состав Перекопского духовного правления, а с 1804 по 1859 гг. - Симферопольского духовного правления.

На основе архивных материалов можно проследить динамику роста численности действующих православных храмов в Крыму в первой половине XIX в. В 1804 г. в Крыму действовало 18 храмовⁱⁱ, в 1834 г. - 23 храмаⁱⁱⁱ, в 1837 г. - 27 церквей^{iv}, в 1848 г. - 48 церквей^v. Как видим, в период с 1783 по 1804 гг. благодаря усилиям греков и первых русских поселенцев в Крыму было освящено 16 храмов. Последующие 30 лет (1804-1834 гг.) характеризуются «застоем» крымского православия. В среднем каждые 6 лет появлялась лишь одна новая церковь. В 1834-1848 гг. наблюдается иная тенденция: за 14 лет было освящено 25 храмов, что свидетельствует об укреплении позиций православия на полуострове.

В 1837 г. основным источником существования причтов большинства таврических приходов являлись кошелевковые подаяния прихожан, которые по Крыму за этот год в сумме составили 7493 руб. 37 коп^{vi}. Кошелевковые сборы взимались с прихожан за совершение церковных таинств. Некоторые богатые меценаты из числа помещиков, офицеров, купцов, государственных служащих вносили добровольные пожертвования на содержание тех или иных приходов. В 1837 г. услугами таких жертвователей пользовались причты 6 крымских церквей, получив в общей сложности от них 2802 руб. 81 коп^{vii}. Наконец, 3 церкви (Иоанна Предтечи в Керчи, Николаевская в Бахчисарае и Ильинская в Карасубазаре) имели определенный доход от сдачи в аренду собственных лавок, составлявший в сумме 2274 руб. 81 коп^{viii}. Самым богатым крымским храмом в 1837 г. и по кошелевковым сборам, и по добровольным подаяниям, и по доходам от аренды являлась церковь Иоанна Предтечи в Керчи. В церковную кассу за год поступило 4478 руб. 84 коп^{ix}.

19 ноября 1848 г. Симферопольское духовное правление направило в Херсонскую духовную консисторию документ, отражающий материальное положение крымских храмов^x. Из содержания документа следует, что осенью 1848 г. в Крыму действовало 48 православных храмов. 9 из них не имели причта, богослужения в них проводились нерегулярно. К таковым церквам относились кладбищенские, домовые и при некоторых заведениях. Поэтому постоянно действующими в 1848 г. следует считать 39 православных храмов.

Как и в 1837 г., причт большинства крымских церквей получал содержание за счет кошелевковых сборов. Но это был далеко не единственный источник доходов для священно- и церковнослужителей. Причт 6 церквей получал государственное жалование по штатам, составленным Синодом Русской православной церкви. При этом три церкви имели по 96 руб. в год каждая, три церкви - по 150 руб. (в сумме 738 руб.). 9 православных приходов получали денежную помощь из местной казны [(1167 руб. 11 коп. - в скобках приводится общая сумма за год). 5 церквей пользовались добровольными пожертвованиями князей, помещиков, купцов и офицеров (604 руб. 30 коп.)]. 3 храма финансировались за счет средств ведомств и заведений (1188 руб.).

7 церквам были отведены земельные угодья (157 десятин). Две церкви имели по 5 десятин, одна церковь - 15 десятин, четыре церкви - по 33 десятины. Ни один причт «не кормился» только от земли. Варианты поступления доходов могли быть следующие: от прихожан и от земли, от казны и от земли, по штатам и от земли и т.д. 2 православные церкви (Покровская в Качинской долине и Покровская в Судаке) имели содержание благодаря принадлежавшим им виноградникам. Покровская церковь в Судаке в 1848 г.

выручила 284 руб. 85 коп. от продажи винограда и вина.

Симферопольское духовное правление отмечает в документе, что причту 26 церквей необходимо назначить штатное жалование или повысить уже имеющееся. Это свидетельствует о том, что две трети постоянно действующих крымских приходов в середине XIX в. испытывали материальную нужду. Причина бедности кроется не только в слабой помощи или ее отсутствии со стороны Херсонской духовной консистории и иных государственных структур. По сведениям Симферопольского духовного правления, 22 крымских храма имели малое количество прихожан. Даже приход главного губернского Александро-Невского собора в Симферополе был малочисленным. Если учесть к тому же, что большинство прихожан имело очень скудные денежные средства, то становится ясным, что кошелевые сборы - основной источник существования церковнослужителей - не могли быть значительными. В этих условиях духовенство испытывало всевозможные лишения.

Более благополучно обстояли дела с обеспечением духовного правления. 9 ноября 1803 г. из Новороссийской (Екатеринославской) духовной консистории в Перекопское духовное правление поступил указ, в котором говорилось: «...позволить собирать... в год со всего причта по числу приходских дворов с каждого по две копейки»^{xi}. На один двор приходилось по четыре души мужского пола. Таким образом, прихожане облагались своеобразным церковным налогом. Все собранные дворовые деньги поступали в Перекопское духовное правление. Деньги шли в том числе и «на прибавку приказным служителям и сторожам жалованья»^{xii}. В 1804 г. из всей Таврической губернии в Перекопское правление поступило 52 руб. 33 коп. дворовых сборов. В Крыму было собрано 27 руб. 33 коп., в материковых уездах Таврии - 25 руб. Эти данные говорят о том, что в 1804 г. в Крыму проживало больше православных верующих, чем в Северной Таврии. Впоследствии мы наблюдаем обратную картину. Из поступивших же в Перекоп 52 руб. 33 коп. примерно четвертая часть (13 руб. 64,5 коп.) направлялась в Екатеринослав на содержание тамошней духовной консистории. Оставшаяся сумма использовалась духовным правлением.

При сборе дворовых денег в Крыму возникали определенные трудности. О них, к примеру, сообщает в рапорте от 2 декабря 1803 г. настоятель Севастопольской Петропавловской церкви иеромонах Григорий^{xiii}. Ему было поручено собрать дворовые деньги с сельских греческих церквей Юго-Западного Крыма и переправить их в Перекопское духовное правление. Григорий пишет, что ему крайне трудно собирать деньги с Аутской, Камаровской, Мангушской, Лакской и Кер-менчикской церквей. Эти селения расположены далеко от Севастополя, туда тяжело добираться в зимнее время, почтовое сообщение отсутствует. Григорий жалуется также на недобросовестность некоторых священников при выплате ими полагающихся податей: «...на сих днях прислал только от Аутского священника двенадцать только пар турецкой монеты, а своих и вовсе не прислал..., хотя и подтверждено было им, чтобы никаких других денег не присылали, кроме российских»^{xiv}. Иеромонах подчеркивает, что российские серебряные монеты удобнее в употреблении, так как меньше весят. У многих крымских греков еще оставались турецкие монеты со времени из жизни на островах или в пределах Крымского ханства. Попытки ими расплачиваться приводили к вышеописанным казусам.

На безответственное отношение к качеству имеющихся в обращении платежных средств указывает и распоряжение, поступившее из Екатеринославской духовной консистории в Симферопольское духовное правление в начале марта 1815 г. Консистория сообщает, «что в доставляемых в нее от духовных правлений и благочинных свечных и прочих суммах, некоторые места присылают ассигнации большею частью в обертках и столь ветхие, что даже и к хождению не способны...»^{xv}. Из-за этого консистория не имеет должного финансирования. В распоряжении также указывалось, «что в церкви за продаваемые свечи поступают деньги большею частью медные, которые перевести на ассигнации крепкие очень удобно и даже с пользой церкви»^{xvi}. Консистория приказала впредь ветхих ассигнаций не присылать. Нарушителям грозило строгое взыскание.

Многим церквям значительный доход приносила продажа свечей прихожанам. Иногда выручка от свечей в несколько раз превышала кошелевые подаяния. К примеру, в 1801 г. в Симферопольской церкви царя Константина доход от продажи свечей составил 413 руб. 15 коп., а сборы с кошелька - 117 руб. 3 коп.^{xvii} В том же году в церкви Знамения пресвятой Богородицы казенного селения Салы свечной доход составил 87 руб., а кошелевые поступления - 15 руб.^{xviii} В большинстве случаев продажа свечей была единственным видом экономической деятельности той или иной церкви.

В первой половине XIX в. налаживается сотрудничество между приходами православной церкви и финансовыми учреждениями страны. В течении трех лет (1844-1847 гг.) жители селения Рубановка пожертвовали на постройку новой церкви 2284 руб. 12 коп. серебром^{xix}. Из них 2000 руб. в виде вклада были отправлены в одесский Государственный коммерческий банк для приращения указанной суммы процентами. Некоторые другие таврические храмы также давали деньги «под рост».

Известны случаи, когда священнослужители помимо службы в церкви занимались торговлей, содержали постоялые дворы. В этом отношении характерен рапорт протоиерея Феодосийского Александро-Невского собора Наума Сливинского в Симферопольское духовное правление от 18 февраля 1817 г.^{xx} В рапорте Сливинский пишет о том, что в Днепровском уезде у него имеется постоялый двор и он должен его посетить. Протоиерей просил разрешения съездить туда на 15 дней и прислать ему специальный билет для проезда через заставу. Его просьба вскоре была удовлетворена. Осенью того же года Сливинский еще

раз посещал свой постоянный двор.

В Синод Российской православной церкви поступали многочисленные жалобы от прихожан. Они обвиняли священнослужителей в том, что те заботятся не о благоденствии верующих, а о собственном материальном обогащении. Синод информировали о том, что священник Свято-Троицкой церкви в Чернигове Алексей Линицкий содержит постоянный двор, торгует сеном и овсом; священник и пономарь Харьковской Николаевской церкви Андрей Михайловский и Яков Прокопович продают мельничные камни, а Прокопович к тому же торгует и лесом^{xxi}. Заботясь о нравственном облике православных пастырей, Синод в 1825 г. запретил священно- и церковнослужителям заниматься торговыми промыслами. При этом делалась оговорка: если духовные лица претерпевают нужду, то «дозволение им торговых промыслов зависит непосредственно от гражданского правительства»^{xxii}. Данная оговорка была вызвана тем, что многие священнослужители занимались торговлей не иначе, как из-за бедности своих приходов, не обеспечивавших им должного содержания.

Богатые приходы Крыма принимали активное участие в экономической жизни полуострова. Особенно следует выделить церковь Иоанна Предтечи в Керчи. В 1830 г. Керченское градоначальство по плану, присланному из столицы, начало застройку в городе пустопорожних мест. По настоянию прихожан, церковь Иоанна Предтечи добилась права на застройку окружающей ее территории. По расчетам, на строительство требовалось примерно 15 тыс. руб.^{xxiii} Из них 3 тыс. руб. были заимствованы церковью из городской казны. Кредит выдавался на 10 лет и без процентов, его можно было выплачивать по частям. Остальные средства поступали в виде пожертвований прихожан.

Строительство велось в течение трех лет. К началу 1834 г. основные работы были уже закончены. Оставались только некоторые внутренние недоделки. За этот период были сооружены: каменная ограда вокруг церкви с двумя большими въездными воротами; четыре больших магазина, выходящих на набережную; четыре лавки; один дом с четырьмя комнатами, сенями, погребом и прилегающими угодьями. Все здания были выстроены из бутового камня, покрыты черепицей, оштукатурены. Прихожанам пришлось заплатить в общей сложности не 12 тыс., а 18477 руб.^{xxiv} Из 3 тыс. руб. казенного долга к середине 1834 г. церковь уже выплатила 1200 руб.

Сдача в аренду церковных магазинов и лавок сулила приходу значительный приток денежных средств. Керченское градоначальство своим распоряжением определило порядок найма торговых помещений, принадлежавших церкви Иоанна Предтечи: «Строений сих, как в городе Керчи коммерция еще не пришла в цветущее состояние, нельзя отдавать по контрактам на год, а нанимаются они помесечно, а в особенности из них магазин только летом. Если же все здания будут заняты, то могут приносить годовой доход до 1000 руб.»^{xxv}.

В 1835 г. на месте старых церковных лавок были построены новые. Керченский градоначальник пообещал выделить на новое строительство ссуду в 2 тыс. руб. на 8 лет без процентов^{xxvi}. Реально поступило лишь 500 руб. Поэтому материалы для строительства пришлось брать в долг. Градоначальство обещало остальные 1500 руб. выдать в 1836г.

Таким образом, церковь Иоанна Предтечи взяла у городской казны кредит на общую сумму в 5000 руб. Если учесть, что денежные поступления в церковь в 1837 г. составили 4478 руб. 84 коп., то совершенно понятно, что выплатить долг для причта не составляло особого труда. Это связано с тем, что государство в определенных случаях практиковало в отношении православной церкви режим льготного кредитования, заботясь о ее материальном благополучии. Более того, все средства, вложенные прихожанами в строительство, безвозмездно передавались церкви. По этому случаю был официально оформлен акт, в котором говорилось: «Никто из них [жертвователей - примечание автора] и наследников их, тем более посторонние, не имевшие участия в сих постройках, никаких претензий на означенные строения простирает не должны»^{xxvii}. На фоне бедности большинства крымских приходов церковь Иоанна Предтечи, имевшая столь щедрых прихожан, выглядела островком благополучия.

Далеко не всегда пожертвования прихожан использовались столь эффективно, как в церкви Иоанна Предтечи. Имели место случаи прямого хищения денег представителями церковной иерархии. Так, в 1816 г. прихожане Севастопольской греческой Петропавловской церкви внесли в церковную кассу 2500 руб. на ремонт храма и создание нового иконостаса^{xxviii}. По просьбе епархиального начальства, эти деньги были отправлены в Екатеринославскую духовную консисторию для сбережения и приращения в банке. В 1817 г. Петропавловская церковь попросила вернуть ей вложенные деньги и разрешить также использовать прибыль от продажи свечей для ремонта храма. Во всем этом церкви было отказано. Ответ Екатеринославского архиепископа Иова ошеломил греков: «...в том им отказано, с тем, чтобы они сделали починку от своего усердия и по обязанности, не надеясь и не полагаясь на постороннее пособие...»^{xxix}. Иов ссылаясь на то, что приход в последнее время сильно сократился. Одновременно Екате-ринославская консистория сообщила в Симферопольское духовное правление, что вся сумма, поступившая в епархию из Петропавловской церкви и других храмов для приращения, на основании указа Синода отправлена в Санкт-Петербургский опекунский совет для приращения уже в столице. Распоряжаться деньгами мог теперь только Святейший Синод, и Екатеринославская консистория не имела права требовать их обратно. Таким образом, пожертвованные православными греками 2500 руб. пошли не на ремонт Петропавловской церкви в Севастополе, а, скорее всего, осели в карманах петербургских и екатеринославских клериков.

Подобные действия сановных лиц разрушали веру людей в непорочность Русской православной церкви.

Нередкими были злоупотребления и при распределении кошелевого сбора, если церковный причт полностью находился на содержании прихожан. В сентябре 1840 г. в Херсонскую духовную консисторию поступил рапорт от указного дьячка Бахчисарайской соборной Николаевской церкви Севастьяна Левицкого^{xxx}. Левицкий жаловался, что протоиерей собора Георгий Спиранде систематически скрывает от него, полностью или частично, кошелевый сбор, поступающий в церковь за требоисправление. Иными словами, дьячок получал мизерное денежное содержание. Из-за этого от не имел даже ежедневного пропитания. В то же время протоиерей Спиранде делился доходами с другим священником, Маргаритом Кулоглу. Левицкий писал, что двое этих священников, «утаивая деньги и изобилуя оными, пьянствуют по лавкам и погребам, играют в карты... и от многого пьянства едва в дом вмечутся»^{xxxii}. По данному рапорту Херсонская консистория обязала Симферопольское духовное правление провести расследование. Однако расследование в Крыму всячески затягивалось. По всей видимости, Спиранде удалось избежать наказания.

Подводя итоги, следует отметить, что в первой половине XIX в. крымское православие медленно, постепенно, но все же возрождалось после глубокого упадка, связанного с миграционными процессами 1778 г. Однако численность православного населения в Крыму была еще очень незначительной. Прежде всего это касается русских поселенцев. В 1848 г. из 39 постоянно действующих православных приходов только 20 были созданы русскими, 18 - греками, 1 - болгарам^{xxxii}. Сами приходы были преимущественно малочисленными. Государство оказывало им минимальную помощь. Причт содержался, как правило, самими прихожанами. Скудность жизни православного населения обуславливала бедность большинства крымских приходов. Тем не менее, дальнейший подъем православия в Крыму органически проистекал из достижений первой половины XIX в.

ⁱ Катунин Ю.А. Взаимоотношения ислама и христианства в Крыму в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней. Материалы I научных чтений. 14-15 ноября 1996 года. Симферополь, 1996. Стр. 37.

ⁱⁱ Государственный Архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 134. Оп. 1. Д. 50. Л. 6-7.

ⁱⁱⁱ ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

^{iv} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 20. Л. 6-57.

^v ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 35. Л. 3-5.

^{vi} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 20. Л. 6-57.

^{vii} Там же.

^{viii} Там же.

^{ix} Там же. Л. 57.

^x ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 35. Л. 3-5.

^{xi} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

^{xii} Там же.

^{xiii} Там же. Л. 14.

^{xiv} Там же.

^{xv} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

^{xvi} Там же.

^{xvii} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-14.

^{xviii} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

^{xix} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. Л. 21.

^{xx} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

^{xxi} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

^{xxii} Там же. Л. 2.

^{xxiii} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

^{xxiv} Там же. Л. 15.

^{xxv} Там же.

^{xxvi} Там же. Л. 14.

^{xxvii} Там же. Л. 16.

^{xxviii} ГААРК. Ф. 134. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

^{xxix} Там же.

^{xxx} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

^{xxxi} Там же.

^{xxxii} ГААРК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.